

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-1-98-112

© М. В. Пантина (Франция)

ПИСЬМА ЖОЗЕФА ДЕ МЕСТРА К РОКСАНЕ СТУРДЗА: К ВОПРОСУ О КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЯХ САРДИНСКОГО ДИПЛОМАТА ПРИ РОССИЙСКОМ ДВОРЕ*

Переписка между Жозефом де Местром и Роксаной Стурдза начинается вскоре после переезда первого в Петербург. На тот момент дипломату было 50 лет. Его корреспондентка Роксана Стурдза моложе его на 30 лет и начинает карьеру императорской фрейлины при дворе. На первый взгляд, у них немного общего...

Де Местр до Французской революции всерьез не занимался ни философией, ни литературой. Из-за политических пертурбаций он был вынужден бежать в Швейцарию. Эмиграция подтолкнула де Местра выстраивать новую стратегию политической и дипломатической службы, и он решает выступить с публицистической работой «Письма савойского роялиста» в 1793 году, а затем публикует «Рассуждения о Франции» в 1797 году.¹ Таким образом он заявляет о своих контрреволюционных политических позициях и ищет доверия у правящих монархов. Эта стратегия увенчалась успехом, и он получает должность посланника короля Сардинии в Санкт-Петербурге. В столице России его имя уже известно и ассоциируется с католической контрреволюционной мыслью, и в дальнейшем философ станет ключевой фигурой для развития русской консервативной мысли.²

Пользуясь своей литературной и политической репутацией, дипломат выстраивает коммуникацию с петербургской аристократией преимущественно в салонах, которые, как и во Франции, служат связующим звеном между царским двором и жизнью города, дворянской элиты.³ Цели этого общения самые разнообразные. С одной стороны, дипломат ищет связи для того, чтобы лучше выполнять свои прямые обязанности при дворе Александра I. С другой стороны, де Местр, воспитанник иезуитов, способствует продвижению ордена в России и, в частности, принимает активное участие в открытии Полоцкой Академии. Впоследствии сардинского посланника обвинят в католическом прозелитизме, и это станет одной из причин окончания его службы при дворе российского императора. В основном обращения в католицизм были среди дам высшего света, с которыми философ вел переписку и общался в салонах.⁴ Также со временем де Местр стал играть видную политическую роль при петербургском дворе: он участвовал в заговоре против Сперанского,⁵ а в 1812 году получил предложение при-

* Исследование выполнено в рамках гранта № 21-78-10052 «От Кадисской конституции к Петербургскому восстанию: трансфер дискурсов, идей, эмоций в эпоху бидермайера» Российского научного фонда.

¹ См. биографические сведения об этом периоде: *Triomphe R. Joseph de Maistre: étude sur la vie et sur la doctrine d'un matérialiste mystique*. Genève, 1968.

² Минаков А. Русская партия в первой четверти XIX века. М., 2013. С. 20.

³ Lilti A. Le monde des salons: sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle. Paris, 2005. P. 163–168.

⁴ Мартин М. А. Романтики, реформаторы, реакционеры. Русская консервативная мысль и политика в царствование Александра I. СПб., 2021. С. 212.

⁵ Зорин А. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001. С. 210, 221–222.

нять русское подданство и стать секретарем Александра I. Однако де Местр отказался и предпочел остаться на службе короля Сардинии.

Роксана Стурдза на момент начала общения с сардинским посланником не обладала ни его авторитетом, ни положением в обществе. Семья Роксаны покинула Молдавию под влиянием политических обстоятельств. Во время русской оккупации с 1788 по 1791 год отец Роксаны, Скарлат Стурдза, командовал отрядом из 400 солдат и был на русской стороне. Согласно Ясскому мирному договору 1791 года земли Скарлата Стурдзы оставались в зоне турецкого влияния. Опасаясь расплаты за прорусские настроения, Скарлат Стурдза согласился принять предложение русских дипломатов переехать в Россию.⁶ Эмиграция семьи Стурдза не была единичным случаем: русско-турецкая война послужила катализатором греческой эмиграции преимущественно на юг России.⁷ Семья Стурдза сначала переезжает в поместье, располагавшееся в деревне Устье (на территории современной Белоруссии). В своих мемуарах Роксана вспоминает, что их состояние осталось в руках чужеземцев,⁸ и семья не могла позволить себе сразу переехать в столицу. Соседями семьи Стурдза по поместью были Чичаговы. Последние пережидали опалу со стороны Павла I.⁹ С приходом к власти Александра I семья Стурдза, так же как и Чичагов, переезжает в Санкт-Петербург.

Роксана начинает свою карьеру при дворе и посещает салон Чичагова, где и происходит ее знакомство с Жозефом де Местром. Впоследствии Роксана и ее брат Александр Стурдза сыграют важную политическую роль в формировании идей Священного Союза, а также в освободительном движении Греции.¹⁰ Однако на момент знакомства с савойским посланником их положение в обществе отличается, и Роксана рада покровительству опытного дипломата.

Переписка, начавшаяся в 1805 году и закончившаяся в 1817-м, охватывает практически весь период пребывания Жозефа де Местра в России и представляет собой пример коммуникативных практик, которые дипломат и мыслитель использовал для влияния при дворе. Роксана Стурдза была не единственной корреспонденткой де Местра. Сардинский посланник состоял в переписке с другими светскими дамами петербургского общества, зачастую преследуя цель обращения в католицизм. В его собрании сочинений мы можем найти письма к жене и к дочери, с которыми он был в разлуке большую часть петербургского периода. Однако все эти письма отличает меньшая эмоциональность и большая дистанция: некоторые автор находил нужным издать,¹¹ справедливо оценивая их наравне с философскими произведениями, что исключает частный характер переписки. Письма к дочери носят зачастую поучительный характер, и определенная дистанция была задана расстоянием, разделявшим корреспондентов.

Переписка с Роксаной тем более интересна, так как, с одной стороны, корреспонденты тесно общаются, и эмоциональный повседневный язык становится частью этих писем. С другой стороны, в отличие от многих других корреспонденток де Местра, императорская фрейлина не разделяла всех убеждений философа, оставаясь верной идеям греческого православия и его политической роли, которое составляло неотъемлемую часть идентичности и истории ее семьи.¹² В статье мы постараемся проследить на примере данной корреспонденции, к каким тактикам прибегал савойский философ для убеждения своих собеседников, какие средства использовал для передачи европейских идей русскому читателю, а также рассмотрим его стратегии для достижения

⁶ Gervas S. Réinventer la tradition: Alexandre Stourdza et l'Europe de la Sainte-Alliance. Paris, 2005. P. 25.

⁷ Апу Г. Л. Тайное общество «Филики Этерия». М., 1965. С. 38.

⁸ Edling (Sturdza) R. Mémoires de la comtesse Edling (née Stourdza) Moscow, 1888. P. 2.

⁹ Gervas S. Réinventer la tradition. P. 31.

¹⁰ Gervas S. Le réseau épistolaire d'Alexandre et Roxandre Stourdza: une médiation triangulaire entre occident, Russie et Sud-Est européen // Revue des études sud-est européennes. 2013. Vol. LI. № 1–4. P. 295.

¹¹ См., например: De Maistre J. Lettre à une dame russe sur la nature et les effets du schisme et sur l'unité catholique // De Maistre J. Lettres et opuscules inédits. Paris, 1853. Vol. 2. P. 265–280.

¹² Мартин М. А. Романтики, реформаторы, реакционеры. Русская консервативная мысль и политика в царствование Александра I. С. 216.

дипломатических целей при дворе. Письма де Местра также представляют интерес с точки зрения стилистики и риторики, и мы можем узнать перо литератора и философа на страницах частной переписки.

Часть писем де Местра к Роксане, хранящаяся в фонде Александра Стурдзы в ИРЛИ РАН, привлекала внимание исследователей еще в 1930-х годах. Независимо друг от друга Г. А. Гуковский и А. Н. Шебунин начинают интересоваться темой контрреволюции в Европе. Шебунин в 1925 году публикует книгу «Европейская контрреволюция в первой половине XIX века»,¹³ а затем продолжает исследования, которые сегодня опубликованы лишь отчасти, но хорошо известны ученым по архивным материалам «Вокруг Священного Союза», хранящимся в РНБ.¹⁴

В 1932 году Гуковский предлагает главному редактору «Литературного наследства» И. С. Зильберштейну проект книги о европейской контрреволюции, включавший в себя широкий круг деятелей, среди которых Жозеф де Местр и Роксана Стурдза.¹⁵ Можно предположить, что исследователь руководствовался желанием охватить большую часть неизданного материала, к которому у него был доступ, а общая характеристика «реакционный лагерь» должна была помочь обоснованию публикации с идеологической точки зрения. В ответном письме Зильберштейн предложил Гуковскому подготовить статью для франко-русского тома «Литературного наследства».¹⁶ По всей вероятности, возможности издания не предполагали публикацию книги.

Из переписки Гуковского с «Литературным наследством» ясно, что подготовительная работа началась в декабре 1934 года,¹⁷ однако в 1935 году издание публикует статью В. С. Десницкого, содержащую оскорбительные для Гуковского нападки,¹⁸ и исследователь решает прекратить работу с издательством.¹⁹

С этого момента работа над статьей переходит к А. Н. Шебунину, который на тот момент работает по договору в Пушкинском Доме. Сотрудничество «Литературного наследства» с историком продолжается с 1935 по 1937 год, и за это время Шебунин готовит для издания две статьи, одна из которых включает русский перевод писем де Местра к Роксане Стурдза.²⁰ Статья вышла в 1939 году под псевдонимом А. Маркович из-за ареста Шебунина. На сегодняшний день исследователи с уверенностью атрибутируют советскому историку авторство и первой статьи «Жозеф де Местр в России»,²¹ и выше указанной работы о Р. Стурдза.²² Советские исследователи преследовали в пер-

¹³ Шебунин А. Н. Европейская контрреволюция в первой половине XIX века. Л., 1925.

¹⁴ Шебунин А. Н. Вокруг Священного Союза // РНБ. Ф. 849. № 110–111. 213 л.

¹⁵ «Книга должна включить материал переписки и мемуаров следующих лиц: Сен-Бёв, Лакордер, Жозеф де Местр, Свечина, Юнг-Штилинг, А. Стурдза, Р. Стурдза-Эдлинг, Вильнев, Штейн, А. Голицын, Блудов, Ган, Козлов, Крюденер, Вине, Коцебу, Мейран и др. — т. е. целого ряда представителей реакционного лагеря литературы и политики. Все материалы публикуются впервые» (РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. № 67. Л. 51; письмо от 21 ноября 1932 года).

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. № 67. Л. 63 (письмо от 4 января 1933 года).

¹⁷ Письмо Г. А. Гуковского И. С. Зильберштейну от 19 декабря 1934 года (РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. № 67. Л. 148).

¹⁸ Десницкий В. С. Еще раз к вопросу об изучении литературы XVIII века // Лит. наследство. 1935. Т. 19/21. Языков, Тютчев, Лермонтов. С. 617–644.

¹⁹ Письмо Г. А. Гуковского И. С. Зильберштейну от 2 июня 1935 года (РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. № 67. Л. 169). Материалы из переписки Г. А. Гуковского с «Литературным наследством» впервые были опубликованы в статье: Костин А. А. Изучение русской литературы XVIII века в 1930-е годы (Переписка редакции «Литературного наследства» с Г. А. Гуковским и другими авторами) // Русская литература. 2009. № 2. С. 79–104. Автор также ссылается на доклад, сделанный на эту тему ранее: «В 1996 году по материалам этой переписки С. И. Пановым на IV Банных чтениях был сделан доклад „Г. А. Гуковский в «Литературном наследстве»“ (Хроника Банных и Первоапрельских чтений // Новое литературное обозрение. 2003. № 59. С. 518)» (Там же. С. 80).

²⁰ Маркович А. [Шебунин А. Н.]. Жозеф де Местр и Сен-Бёв в письмах к Р. Стурдза-Эдлинг // Лит. наследство. 1939. Т. 33/34. Русская культура и Франция III. С. 379–456.

²¹ Степанов М., Вермаль Ф. [Шебунин А. Н.]. Жозеф де Местр в России // Лит. наследство. 1937. Т. 29/30. Русская культура и Франция. С. 577–726.

²² Miltchina V. Joseph de Maistre en Russie; aperçu de la réception de son œuvre // Joseph de Maistre: Actes du colloque de Chambéry, Revue des études maistriennes. 2001. № 13. P. 91–108; Дегтярёва М. Консервативная адаптация Жозефа де Местра. Дис. ... канд. истор. наук. Пермь,

вую очередь цель опубликовать неизданные материалы, хранившиеся в ленинградских и московских архивах. В результате издание состоялось, и письма де Местра к Роксане Стурдза, хранящиеся в архиве А. Стурдзы в ИРЛИ, были напечатаны в переводе на русский язык.

Однако исследователи не смогли включить в статью ту часть писем де Местра, которая была издана во Франции.²³ Судя по переписке Шебунина с «Литературным наследством», такой выбор был обусловлен требованиями к общему объему публикации, и от некоторых документов приходилось отказываться в пользу сохранения полностью неизданного материала.²⁴

Статья снабжена подробным историческим комментарием, и, согласно академическим научным традициям, основное внимание уделяется публикации материала и позитивистскому аспекту исследования. Несостоявшееся участие Г. А. Гуковского в написании текста также ощутимо, так как в статье практически отсутствует филологический аспект анализа текстов. В нашей работе мы хотели бы отчасти восполнить этот пробел и на примере этих писем обратить внимание на коммуникативные стратегии де Местра — дипломата и философа. Переписка интересна также с точки зрения трансфера европейских идей в Россию. Важно дополнить исследование корреспонденции де Местра с Р. Стурдза корпусом изданных во Франции писем, так как в противном случае создается ложное ощущение лакуарности корреспонденции.

Что касается истории издания во Франции, мы знаем, что Роксана доверила часть писем Сен-Бёву в Париже в 1840-е годы для подготовки статьи о савойском философе.²⁵ В эту биографическую статью вошли некоторые выдержки из писем де Местра Роксане, но Сен-Бёв не называет напрямую адресата. Однако сопоставление этих цитат с изданием, предпринятым сыном философа Родольфом де Местром в 1853 году, позволяет заключить, что эти письма остались во Франции и вошли в состав «Lettres et opuscules inédites du Comte Joseph de Maistre».²⁶

Все письма де Местра к Роксане Стурдза можно разделить на две части: 12 коротких записок («billets»), написанных между 1805 и 1813 годом, и 9 больших писем, отправленных с 1809 по 1817 год. С 1809 по 1813 год записки, касающиеся повседневной жизни корреспондентов, перемежаются с письмами, по большей части отправленными во время заграничного путешествия Роксаны. Все записки и два последних письма хранятся в фонде Александра Стурдзы²⁷ в Пушкинском Доме; семь оставшихся во Франции писем были опубликованы в 1853 году Родольфом де Местром с некоторыми искажениями, а местонахождение оригиналов на данный момент неизвестно. Мы начнем с разбора ключевых тем первой части, записок.

Как мы уже говорили, знакомство де Местра и Роксаны Стурдза состоялось в салоне адмирала П. В. Чичагова вскоре после приезда сардинского посланника в Санкт-Петербург. Для де Местра этот салон был местом демонстрации ораторского искусства в дружеском споре: Чичагов, открыто симпатизировавший Французской революции, был достойным оппонентом контрреволюционного философа. Дамы выступали судьями на этом поле битвы.

Оказавшись в столице, Роксана начала свою карьеру при дворе с посещения дружеского салона Чичагова и, отметив интерес де Местра к дамскому обществу, решила

1997; выдержки из архивных документов «Литературного наследства» см.: *Pantina M. Publier Joseph de Maistre en URSS dans les années 1930. Le sort des projets de Grigorij Gukovskij et d'Andrej Šebunin (d'après les archives de Literaturnoe nasledstvo) // Revue des études slaves. 2019. T. 90. Fasc. 4. P. 635–651.*

²³ *De Maistre J. Lettres et opuscules inédits. Vol. 2. P. 33–52.*

²⁴ РНБ. Ф. 849. № 302. Л. 32а (письмо С. А. Макашина к А. Н. Шебунину от 5 февраля 1936 года).

²⁵ *Маркович А. [Шебунин А. Н.]. Жозеф де Местр и Сен-Бёв в письмах к Р. Стурдзе-Эдлинг. С. 430–431 (впервые статья о Жозефе де Местре вышла в сборнике Сен-Бёва «Литературные портреты»: Sainte-Beuve C.-A. Joseph de Maistre // Sainte-Beuve C.-A. Portraits littéraires. Paris, 1844. T. 2. P. 388–466).*

²⁶ *De Maistre J. Lettres et opuscules inédits. Vol. 2. P. 33–52.*

²⁷ ИРЛИ. Ф. 288 (А. С. Стурдза). Оп. 1. № 285. 72 л.

снискать его расположение в интеллектуальной беседе.²⁸ Этот интерес философа кажется одной из стратегий для получения места при дворе и выполнения задач дипломатической службы, а также вписывается в поведенческие коды французского салона XVIII столетия, где дамы играли роль посредниц в спорах аристократов и были призваны оценить их талант.²⁹

Начало знакомства де Местра и Роксаны приходится примерно на 1805 год. Первые две записки, 1805–1806 годов,³⁰ служат для поддержания контакта между уже привычными встречами в салонах или же у семьи Стурдза, которая, в свою очередь, принимала гостей два раза в неделю.³¹ В первой из них речь идет об обмене стихотворениями,³² что было одной из распространенных салонных практик. Во второй записке де Местр спрашивает о здоровье Роксаны, и из этого письма ясно, что постоянный контакт с императорской фрейлиной вошел у него в привычку.

Стоит также отметить куртуазный стиль посланий и иронично-дружественный тон, например: «Впрочем, я крайне сочувствую трудам вашим, кои чрезмерны при наличии всего двух ног. Я еще не вполне знаю, чем будут заняты обе мои, но я не премину сделать все, дабы убедить их заняться чем-либо наименее неприятным».³³ Этот дружески-покровительственный тон и простота в обращении объясняются разницей в возрасте и в положении корреспондентов на момент начала переписки. Де Местр уже обладает солидной репутацией писателя и оратора и начинает дипломатическую службу при дворе Александра I, Роксана 19 лет, и она только начинает свою карьеру при дворе. В это время она ищет покровительства не только у сардинского посланника, но и у баронессы Ливен, воспитательницы царской семьи, а также у других опытных придворных.³⁴

В записке 1808 года де Местр предлагает вниманию Роксаны речи Сен-Мартена и сопровождает их комментарием: «Честь имею препроводить вам, М-лле, три речи г-на де Сен-Мартена. Ежели они отправят вас на путь чудес, то смею льстить себя надеждой, что первое будет для меня, поскольку именно я приобщил вас к ним. Оставляю за собой право, в случае надобности, объяснить вам, какой именно диковины я жду от вас, — а это требует размышления, как свидетельствует сказка о колбасе, наличествующая в детском сборнике для назидания взрослых».³⁵

Интерес самого де Местра к Сен-Мартену появился задолго до встречи с Роксаной: еще в 1797 году он собственноручно копирует три речи Сен-Мартена: «Пути мудрости» («Les voies de la sagesse»), «Временные законы божественной справедливости» («Les lois temporelles de la justice divine») и «Трактат о благословениях» («Traité des bénédictions»)³⁶ Именно с них де Местр предлагает Роксане Стурдза начать свой путь посвящения в религиозную мистику.

В письме де Местр отправляет к первой речи, «Пути премудрости», основная идея которой заключается в том, что человек может при помощи собственного духовного усилия уподобиться божественной сущности и тем самым прославить ее своей жизнью и поступками.³⁷ Сен-Мартен утверждает личную силу и способность человека к вну-

²⁸ Роксана Стурдза описывает впечатления от этой встречи в своих мемуарах (*Edling (Sturdza) R. Mémoires de la comtesse Edling (née Stourdza)*). Р. 23–24).

²⁹ *Lilti A. Le monde des salons*. Р. 110–120.

³⁰ Год не указан на самих записках. Они представляют собой открытые письма, которые Роксана получала на место своей службы при дворе. В датировке мы опираемся на статью: *Маркович А. [Шебунин А. Н.]. Жозеф де Местр и Сен-Бёв в письмах к Р. Стурдзе-Эдлинг*.

³¹ *Edling (Sturdza) R. Mémoires de la comtesse Edling (née Stourdza)*. Р. 24.

³² *Маркович А. [Шебунин А. Н.]. Жозеф де Местр и Сен-Бёв в письмах к Р. Стурдзе-Эдлинг*. С. 394.

³³ Там же.

³⁴ *Edling (Sturdza) R. Mémoires de la comtesse Edling (née Stourdza)*. Р. 18–19, 21.

³⁵ *Маркович А. [Шебунин А. Н.]. Жозеф де Местр и Сен-Бёв в письмах к Р. Стурдзе-Эдлинг*. С. 395.

³⁶ *Vivenza J.-M. Entretiens spirituels et écrits métaphysiques*. Grenoble, 2017.

³⁷ *Saint-Martin L.-C. Les voies de la sagesse // Saint-Martin L.-C. Œuvres posthumes*. Tours, 1807. Т. 2. Р. 76–77.

треннему озарению, которое может привести к чудесам и преобразованию мира.³⁸ М. А. Мартин, характеризуя религиозность Р. Стурдзы, говорит о том, что она принадлежала к популярному тогда в России движению «пробуждение», которое «укоренилось как интроверсивная вера, делавшая упор на личное общение с Богом».³⁹ Идеи Сен-Мартена о внутреннем озарении не противоречат убеждениям Роксаны, известным де Местру из их бесед, и выбор этого текста для знакомства с «неизвестным философом», которого высоко ценил де Местр, объясним.

Что касается второго трактата, «Временные законы божественной справедливости», он во многом предвосхищает идеи самого де Местра, которые он выразил в «Рассуждениях о Франции». Сен-Мартен выделяет несколько видов болезней человека, ниспосланных по причине первородного греха: телесные, душевные и духовные.⁴⁰ Далее автор расширяет этот принцип до национальностей, которые также могут совершать грехи, за которыми следует расплата целых народов.⁴¹ Именно эту идею использует де Местр в «Рассуждениях о Франции», объясняя причины Французской революции тем, что нация отвернулась от Бога и затем революция последовала как наказание за грехи всего народа.⁴²

Сходство же произведений самого де Местра и «неизвестного философа» отмечал Сен-Бёв в своей главе о Сен-Мартене, считая брошюру последнего источником «Рассуждений о Франции» де Местра: «В том же году (1795) Сен-Мартен опубликовал „Письмо другу, или Политические, философские и религиозные размышления о французской революции“.⁴³ <...> Эта брошюра тогда не пользовалась большим успехом, но сегодня, после объяснения в „Размышлениях“ г. де Местра, она имеет большую ценность как указание и предзнаменование...».⁴⁴

Таким образом, чтение Сен-Мартена должно было подготовить почву для восприятия произведений самого де Местра.

«Трактат о благословениях», заключительный в трилогии Сен-Мартена, обобщает идеи первых двух произведений и предлагает возможность восстановления гармонии, утраченной после совершения первородного греха, посредством благословений в трех направлениях (число три значимо для автора как сопоставление с божественной Троицей): телесном, интеллектуальном и духовном.⁴⁵ Человек, являющийся проводником божественной силы, обладает достаточными возможностями для того, чтобы обрести первозданную силу и стать равным Творцу.⁴⁶

Стоит отметить также масонский контекст «чудес», о которых говорит де Местр. Если противоречия между католицизмом и православием в начале XIX века остро ощущались в обществе, то масонские ложи охотно принимали и католиков, и православных. Де Местр занимал пост великого оратора в масонской иерархии,⁴⁷ и, хотя ко времени приезда в Россию первый период его увлечения масонскими идеями уже прошел, он посещает ложу немецкого посла барона Стединга.⁴⁸ А. Н. Пыпин пишет о том, что на тот момент масонские идеи распространялись в обществе двумя путями:

³⁸ Ibid. P. 68.

³⁹ Мартин М. А. Романтики, реформаторы, реакционеры. С. 212.

⁴⁰ Saint-Martin L.-C. Loix temporelles de la justice divine // Saint-Martin L.-C. Œuvres posthumes. T. 2. P. 87–90.

⁴¹ Ibid. P. 93–94.

⁴² Maistre J. de. Considérations sur la France // Maistre J. de. Œuvres. Paris, 2007. P. 204–205.

⁴³ Saint-Martin L.-C. Lettre à un Ami ou Considérations sur la Révolution française. Paris, 1795.

⁴⁴ Sainte-Beuve C.-A. Saint-Martin, le Philosophe inconnu // Causeries du lundi. Paris, 1876. Vol. 10. P. 270 (здесь и далее пер. с фр. мой. — М. П.).

⁴⁵ Saint-Martin L.-C. Traité des bénédictions // Saint-Martin L.-C. Œuvres posthumes. T. 2. P. 155.

⁴⁶ Ibid. P. 162.

⁴⁷ Brengues J. De la grande loge au Rite Écossais rectifié ou la mauvaise conscience maçonnique de Joseph de Maistre // Revue des études maistriennes. 1979. № 5–6. P. 133.

⁴⁸ De Maistre J. Écrits maçonniques de Joseph de Maistre et de quelques-uns de ses amis francs-maçons / Ed. by J. Rebotton. Genève, 1983. P. 29.

в ложах, куда не были вхожи женщины, и через литературу.⁴⁹ Таким образом, де Местр рекомендует своей корреспондентке единственный доступный светской даме путь — чтение литературы. Массонские идеи же, популярные в светском обществе начала XIX века, приемлемы как для политического православия Роксаны, так и для католического прозелитизма самого де Местра.

Что касается упоминания детской сказки о колбасе, речь идет о сказке Шарля Перро о трех желаниях, в которой нерадивые дровосек и его жена не знают, как распорядиться даром исполнения желаний. Де Местр показывает свою готовность сопровождать свою собеседницу на пути познания мистической литературы, вместе с тем адаптируя свое изложение под стиль, доступный молодой светской даме, терпеливо и простыми метафорами готовясь приобщить ее к чтению философа-иллюмината.

Само отношение де Местра к иллюминатам в этот период очень неоднозначно. Сам де Местр, увлекавшийся иллюминистскими идеями до 1789 года и высоко ценивший Сен-Мартена, в записке, поданной Александру I в 1810 году, рекомендует ему прочитать О. де Баррюэля.⁵⁰ Французский иезуит в изгнании, Баррюэль первым предположил существование заговора, направленного на разрушение церкви, трона и всего гражданского общества⁵¹ и возложил ответственность за Французскую революцию на иллюминатов. Именно работы этого автора положили начало мифу о масонском заговоре. В 1810 году де Местр принимает теорию о заговоре иллюминатов против монархии и в то же время находит нужным рекомендовать своим корреспондентам их произведения.

Можно предположить, что в переписке с Роксаной де Местр пользуется хорошо знакомым ему репертуаром произведений для того, чтобы найти подход к своей корреспондентке. Конечной целью становится пропаганда его собственных идей, а произведения Сен-Мартена становятся лишь одной из ступеней подготовки к их восприятию. В политических целях дипломат менял тактику и в общении с российским императором был готов поддерживать теорию масонского заговора, лишь бы убедить Александра I в реальной опасности революции в России. Здесь мы видим пример манипуляции идеями в зависимости от собеседника. И в том и в другом случае де Местр пользовался своими знаниями для того, чтобы склонить менее посвященного собеседника на свою сторону.

В записке 1810 года де Местр предлагает Роксане другое чтение — католического проповедника Ж.-Б. Массильона, проповеди которого как раз входят в моду и переиздаются в 1810 году.⁵² По словам А. Н. Шебунина, «из трех классиков церковной кафедры французского католицизма — Боссюэ, Бурдалу, Массильона — последний был пригоднее всего для воздействия на душу, которая считала себя „чувствительной“». Боссюэ — громовержец, Бурдалу — доказыватель, Массильон же — уговариватель.⁵³ Это бесспорно так, поскольку Массильон в своих проповедях уделяет особое внимание человеческим чувствам, называет их и предлагает способы взаимодействия с разными эмоциями,⁵⁴ что должно было затронуть сентиментальные струны души фрейлины.

Помимо этой причины выбора данного автора, отметим, что в проповедях Массильона можно найти идеи, близкие консервативным мыслителям. К примеру, Массильон неоднократно сравнивает власть монарха с божественной властью и использует эту метафору для объяснения возможности мистической тайны и в том и в другом случае.⁵⁵ Смирение с божьим промыслом должно помочь также и в смирении с существующим социальным порядком, а государь в данном контексте становится проводником божественной силы.

⁴⁹ Пылин А. Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в. Пг., 1916. С. 229.

⁵⁰ Биберштайн Р. И. Миф о заговоре. Философы, масоны, евреи, либералы и социалисты в роли заговорщиков. СПб., 2010. С. 150.

⁵¹ Там же. С. 17.

⁵² Massillon J.-B. Œuvres. Lyon, 1810.

⁵³ Маркович А. [Шебунин А. Н.]. Жозеф де Местр и Сен-Бёв в письмах к Р. Стурдз-Эдлинг. С. 396.

⁵⁴ Massillon J.-B. 1) Sermon sur la Soumission à la volonté de Dieu // Massillon J.-B. Œuvres. P. 3–51; 2) Sermon sur la Passion de Notre-Seigneur Jésus-Christ // Ibid. P. 128–184.

⁵⁵ Massillon J.-B. Sermon sur la Soumission à la volonté de Dieu.

Охранительные идеи высказывались религиозными мыслителями в противовес философии эпохи Просвещения, которая, как отмечает Биберштайн, не обязательно была антирелигиозной, но критиковала социальное устройство католической церкви. Демократизация была невыгодна верхушке духовенства. Власть пользовалась церковью для легитимизации, и наоборот, церковь была столь могущественна, потому что поддерживала деспотические режимы.⁵⁶ Разумеется, консерватор де Местр поддерживал эту охранительную тенденцию и считал, что именно церковь должна стоять на страже монархического социального порядка.

Несомненно, де Местр был бы рад возможности склонить Роксану на сторону католицизма, поэтому он выбирает не только проповедника — носителя собственных идей, адаптированного под сентиментальные запросы его корреспондентки, но также и мастера слова, чей стиль воспринимается легко. Темы, которые затрагивает католический автор, также актуальны для собеседницы де Местра: Массильон изящным способом переходит от проблем придворной жизни к церковной и наоборот.

В той же записке де Местр впервые предлагает Роксане прочитать его собственное сочинение, «Размышления о Франции», из ложной скромности принижая значение этого произведения: «Просьба прочесть ее у себя в комнате и отнюдь не пускать по рукам, так как книжка эта весьма плохая».⁵⁷ То, что на самом деле автор был высокого мнения о своем произведении, подтверждается в письме к Яну Потоцкому 16 (28) октября 1814 года, в котором де Местр находит «Размышления о Франции» пророческими и советует перечитать их снова в связи с событиями французской Реставрации 1814 года.⁵⁸ Следовательно, этот риторический прием призван лишь еще более привлечь внимание Роксаны Стурдза к произведению де Местра.

В «Размышлениях о Франции» заложены основные идеи контрреволюционной мысли савойского философа. Французская революция — это сила, превосходящая тех, кто ее совершает. У Франции есть мессианское призвание — вести другие европейские страны по религиозному пути. Отступив от своего истинного предназначения, Франция навлекла на себя наказание Провидения, и за преступление, совершенное от имени нации, приходится расплачиваться всему народу. Революция — это наказание за преступление против монархии, и, только пройдя через это испытание, Франция сможет вновь возродиться.⁵⁹ Когда контрреволюция произойдет, она не должна быть противоположностью революции, но должна отличаться принципиально, быть новым витком истории Франции, в котором будут учтены все прошлые грехи и ошибки.⁶⁰ В этом произведении де Местр формулирует все постулаты контрреволюционной риторики, которыми будут пользоваться консервативные философы в дальнейшем.⁶¹ Можно сказать, что здесь мыслитель выступает как отец консервативной мысли Европы и делится со своей корреспонденткой самыми важными постулатами своей теории. Роксана, принадлежавшая также к консервативному лагерю, должна была присоединиться к мысли философа.

Другое собственное произведение, которым де Местр делится с Роксаной, — это «Пять писем об общественном воспитании в России», рукопись которых он прилагает к записке 1811 года.⁶² Эти письма адресованы министру народного просвещения Разумовскому и носят заостренно-полемическую направленность против либерального проекта Царскосельского лицея М. М. Сперанского. А. Л. Зорин пишет о том, что «практически вся публицистическая деятельность де Местра в 1810–1811 гг. прямо

⁵⁶ Биберштайн Р. И. Миф о заговоре. С. 32–33.

⁵⁷ Маркович А. [Шебунин А. Н.]. Жозеф де Местр и Сен-Бёв в письмах к Р. Стурдзе-Эдлинг. С. 396.

⁵⁸ De Maistre J. Correspondance. Paris, 2017. P. 1046.

⁵⁹ De Maistre J. Considérations sur la France // De Maistre J. Œuvres. P. 201–207.

⁶⁰ Ibid. P. 254–258.

⁶¹ Hirschman A. O. Deux siècles de rhétorique réactionnaire. Paris, 1999.

⁶² Маркович А. [Шебунин А. Н.]. Жозеф де Местр и Сен-Бёв в письмах к Р. Стурдзе-Эдлинг. С. 403.

направлена против Сперанского»,⁶³ поскольку проекты Сперанского шли вразрез с интересами иезуитов, в руках которых были важные образовательные институты.

В «Пяти письмах...» сардинский посланник сомневается в необходимости точных наук в русском образовании. Автор полагает, что развитие знания всегда идет параллельно с религиозным становлением общества. В России же этому историческому процессу помешало два события: схизма и татарское нашествие. Де Местр отрицательно оценивает деятельность Петра I, считая, что попытка насадить науку без католического религиозного пути была неудачной. Россия должна наверстать упущенное, и решением может стать иезуитское образование. У миссионеров ордена Иисуса богатый опыт работы на территории других стран, и только их система образования, совмещающая науки с моральными ценностями, может помочь предотвратить революцию в России. Иезуиты знают, как воспитывать послушание монарху и укреплять иерархию любого государства.⁶⁴

Адресуя это произведение Роксане, де Местр продолжал линию католического прозелитизма, но, поскольку фрейлина не принимала ключевых решений в отношении образовательных проектов в России, можно также предположить, что, прежде чем использовать свои памфлеты и произведения для открытой политической борьбы, де Местр давал их читать доверенным лицам и лишь затем вступал в прямую полемику с противниками. На момент написания этой записки де Местр участвовал в заговоре против Сперанского, и преждевременная огласка могла лишь помешать общему делу.

Помимо книжного обмена, в записках затрагиваются вопросы практического характера. Роксана Стурдза в 1809 году устно предупреждает де Местра о необходимости выслать музыку «Te Deum» послу Франции в России для торжественной мессы в честь победы Наполеона при Ваграме во время войны пятой коалиции. Де Местр, как и консервативная часть общества, не поддерживал союз Франции и России, так что ему, по совету фрейлины, пришлось действовать против собственных убеждений. Сардинский посланник спешит заверить Роксану, что понял свою ошибку, и проявляет лояльность ко двору, подтверждая высылку нот.⁶⁵ В записке де Местр ссылается на устный разговор с Роксаной, отчитываясь лишь о благополучном разрешении этой ситуации.

В другой раз де Местр хлопочет об устройстве ее протеже, албанца, получившего ранение в войнах с Турцией, в госпиталь при дворе — об этом идет речь в трех записках от 1813 года⁶⁶ — и привлекает для решения этого вопроса баронессу А. И. Толстую, супругу обер-гофмаршала Н. А. Толстого. Таким образом, Роксана Стурдза и де Местр оказывали друг другу услуги по взаимной протекции при дворе, и в корреспонденции мы находим лишь отдельные эпизоды или отсылки к ним.

В записках мы также находим упоминания светских салонов, где встречались корреспонденты, в частности Свечиной и Головиной. Интересно, что в записке 1809–1810 года дом семьи Стурдза де Местр называет «Греция»,⁶⁷ намекая на прогрессивные симпатии его обитателей. В 1809 году И. Каподистрия прибыл в Петербург и поступил на русскую службу. Начав карьеру при Республике Семи Соединенных островов, Каподистрия вынашивал идею освобождения Греции путем дипломатических переговоров, с опорой на поддержку России, и именно поэтому принимает предложение русского правительства.⁶⁸ В этот период он становится желанным гостем в доме Стурдза и формирует вокруг себя кружок молодых приверженцев идеи освобождения Греции от османского ига, в который входят Роксана и ее брат Александр. Впоследствии Роксана и Александр Стурдза сами включаются в политическую борьбу и будут отстаивать интересы Греции во время Венского конгресса и активно помогать греческим пере-

⁶³ Зорин А. Кормя двуглавого орла... С. 221–222.

⁶⁴ De Maistre J. Cinq lettres sur l'éducation publique en Russie // De Maistre J. Lettres et opuscules inédites. P. 282–287, 306–318.

⁶⁵ Этот эпизод рассмотрен А. Н. Шебуниным (Маркович А. [Шебунин А. Н.]. Жозеф де Местр и Сен-Бёв в письмах к Р. Стурдзе-Эдлинг. С. 399).

⁶⁶ Там же. С. 399–400.

⁶⁷ Там же. С. 395.

⁶⁸ Арш Г. Л. Тайное общество «Филики Этерия». С. 61.

селенцам на юге России. Де Местр был в курсе этих идей, однако из осторожности лишь отсылает к существованию кружка в доме Стурдза.

Таким образом, в записках мы видим несколько ключевых стратегий идейного влияния — приобщение светской дамы к католическим религиозным мыслителям, которые готовят почву для восприятия философских и политических произведений самого де Местра, касающихся контрреволюции и продвижения иезуитского ордена в России. Дипломат также отправляет на суд близкого круга читателей новые полемически направленные трактаты, прежде чем донести их до прямых адресатов. Связующим звеном для корреспондентов становится придворная жизнь, в которой важно взаимное оказание протекции, зависевшее от менявшегося статуса обоих корреспондентов. Вначале Роксана выступает в качестве протеже сардинского дипломата, а затем уже сама может оказывать ему услуги, вовремя предупреждая о настроениях при дворе.

Перейдем к корпусу больших писем де Местра к Роксане, самое раннее из которых относится к 1809 году. Письма в «*Lettres et opuscules inédits...*» опубликованы без дат, и обращение «*Mademoiselle*» изменено на «*Madame*», что создает ложное впечатление о времени их написания. Мы смогли восстановить датировку этих семи писем по косвенным указаниям на события в ближайшем окружении корреспондентов.

Письмо, начинающееся «Мадам, ничто в этом мире не могло бы быть мне столь приятно...»,⁶⁹ можно датировать 1809 годом по двум маркерам времени. Во-первых, де Местр упоминает о назначении своего брата Ксавье полковником: «Что вы скажете об экспромте моего брата, который внезапно отправился на персидскую границу после назначения полковником свиты его величества?»⁷⁰ Ксавье де Местр был назначен полковником 26 августа 1809 года. Жозефа де Местра беспокоит решение брата присоединиться к русской армии на Кавказе. Во-вторых, де Местр упоминает об отъезде адмирала Чичагова в Париж: «Я вздыхаю, как и вы, об безумном упрямстве нашего друга Ч<ичаго>ва, который выбирает во всем нуждаться в Париже вместо того, чтобы быть здесь на своем почетном месте, ни в чем не нуждаясь».⁷¹ Речь идет о добровольном отпуске и об отъезде за границу Чичагова в 1809 году после конфликта с коллегами в Кабинете министров. Подобное решение удивляет и де Местра, и Роксану. В дальнейших нескольких письмах обсуждение карьеры и особенностей поведения Чичагова при дворе занимает центральное место.

С литературной точки зрения, это письмо интересно из-за лирических отступлений автора. Де Местр делится меланхолическими чувствами, которые его одолевают после событий Французской революции, вынудившей покинуть родину: «Оставаться в замке⁷² с вашей семьей было бы для меня чрезвычайно приятно, и поскольку вы там будете, нужно было бы набраться терпения, но увы! для меня больше нет замков. Молния ударила по всему, и мне остаются только сердца: это большое имущество, особенно если они сделаны как ваше. Расположение, которое вы мне оказываете, я воспринимаю как ценное приобретение, которое никто не имеет права конфисковать. Раньше странствующие рыцари защищали дам, сегодня дамы защищают странствующих рыцарей: будьте благосклонны к тому, что я оказался в вашем *сюзеренитете*, если вам придется сменить фамилию на имя какого-нибудь хорошего человека, который знает, чего вы стоите (другие могут уйти восвояси). Я рассчитываю на ваш дом, чтобы там думать, смеяться, плакать и даже спать, по своему усмотрению. И тем не менее вы еще какое-то время будете среди почтенных и добрых мадемуазелей и сможете меня защищать. Ничто не помешает, как мне кажется, через какое-то время в день, когда мне будет очень грустно, приехать за мной в вашем экипаже без каких-либо последствий и отвезти меня на прогулку. Все скажут: „Дайте место мадемуазель де..., которая ведет

⁶⁹ «*Madame, Rien au monde ne pouvait m'être plus agréable...*» (*De Maistre J. Lettres et opuscules inédits*. P. 33–37).

⁷⁰ Ibid. P. 34.

⁷¹ Ibid. P. 35.

⁷² Де Местр использует неологизм «*castelliser*», который означает пребывание в замке или в имении.

слепца! Дадим ему дукат!“ И, без обмана, этот дукат будет так же честно заработан, как тот, что подают дамы. Впрочем, это только проект: вы можете в нем изменить и добавить то, что вам понравится».⁷³

Предложение провести время в поместье с семьей Роксаны Стурдза навевают на философа воспоминания о потерянных замках на родине. Роксана, познавшая все тяготы вынужденной эмиграции, конечно же, могла понять чувства, которые испытывал де Местр, лишившийся земель и прежнего положения в обществе. Эти сближающие корреспондентов обстоятельства, возможно, и стали основой столь длительной и доверительной переписки и взаимоотношений.

Описывая свои переживания, де Местр говорит о ценности отношений с корреспонденткой и, используя метафору странствующего рыцаря, просит ее защиты. Это показывает, что на момент написания письма в роли покровителя де Местра может выступать Роксана и ее семья и положение императорской фрейлины уже упрочилось при дворе.

Понимая, что его корреспондентка в любой момент может сменить статус и стать замужней дамой, де Местр заранее предлагает способы общения, подходящие такой перемене. Эта тема будет повторяться несколько раз в последующих письмах, но на деле Роксана оборвет любое общение с дипломатом после замужества, несмотря на предвосхищающие просьбы последнего. Это показывает, насколько де Местра матримониальный статус мог влиять на дружеские и светские отношения при дворе.

В конце приведенного отрывка де Местр предлагает своей собеседнице фантазию о нищем слепце, которого она сопровождает, а также включает в этот отрывок саму Роксану в качестве соавтора, который может по своему усмотрению изменить сюжет. Этот же прием приглашения в соавторы мы находим в последних письмах де Местра к графу С. С. Уварову, когда сардинский посланник предлагает придать художественную форму их спору.⁷⁴ Здесь можно говорить о появлении новой формы коммуникации: литературной. Жозеф де Местр — писатель вдохновляется перепиской со своими корреспондентами и приглашает их в мастерскую художественных зарисовок и идей для будущих произведений.

Следующее письмо поддается датировке из-за упоминания смерти супруги Чичагова Елизаветы (Элизабет) Проби. Она умерла в родах в 1811 году в Париже. Безутешный адмирал обсуждает с де Местром проект надгробия усопшей супруги: «Он все так же поглощен своей болью. Он попросил меня о надписи на латыни на надгробии своей жены, в которой должно быть лишь указано, что этот памятник, спроектированный тем-то, был выполнен тем-то. Я ему ее отправил, и он ее выгравировал. Он спрашивает меня в своем письме: „Почему бронзовый памятник должен жить больше, чем самое прекрасное произведение неба?“ После раздумий, он добавляет: „Почему кружева от такого шедевра должны оставаться дольше, чем само произведение?“ — ошеломленный этим мощным аргументом против НЕГО (Провидения. — М. П.), он просит ответить ему в первом же письме. Я ему отвечаю, что я не знаю, почему он задается вопросами в отношении такой простой вещи, потому что очевидно, что Бог создал женщин не лучше, чем многие мужчины делают кружева. — Если вы, Мадам, найдете правильный ответ, я прошу вас дать мне знать об этом. Никогда еще я не был так озадачен в вопросах метафизики. Сложно признавать ЕГО ошибки».⁷⁵

Елизавета Проби была похоронена на лютеранском Смоленском кладбище Санкт-Петербурга, и бронзовый памятник, о котором идет речь в письме, был заказан известному скульптору И. П. Мартосу.⁷⁶ Упоминание скульптора в переписке с де Местром не случайно: именно сардинский посланник в 1807 году отобрал проект Мартоса

⁷³ Ibid. P. 34.

⁷⁴ Письма Ж. де Местра к графу С. С. Уварову в русском переводе вошли в состав другой статьи в серии «Литературное наследство»: Степанов М., Вермаль Ф. [Шебунин А. Н.]. Жозеф де Местр в России. С. 577–726.

⁷⁵ *De Maistre J. Lettres et opuscules inédits*. P. 38–39.

⁷⁶ Надгробие было перенесено в Музей городской скульптуры в 1934 году и сейчас находится в некрополе Александро-Невской лавры.

для памятника Минину и Пожарскому в Москве.⁷⁷ Возможно, де Местр сам предложил адмиралу Чичагову этого скульптора для того, чтобы воздать последние почести усопшей супруге.

Утешая своего друга, де Местр задается вопросом о справедливости Провидения, центральным для его философских произведений. Автору письма особенно сложно оставаться в рамках своих собственных убеждений перед лицом человеческой трагедии. Де Местр в своих произведениях неоднократно формулирует идею, что любая историческая трагедия ниспослана Провидением для того, чтобы вести человечество согласно божественному промыслу.

В том же 1811 году Чичагов по собственному желанию увольняется с поста министра морских дел и получает должность дежурного генерал-адъютанта при императоре. Это решение поражает де Местра, и он выражает Роксане Стурдза свое недовольство: «Вот где мы остановились, поскольку деликатность не позволила никоим образом разорвать отношения с адмиралом, пока он не подал полностью в отставку. Однако если это положение будет продолжаться, придется это сделать».⁷⁸

В данном случае интересна прагматика де Местра. Как только влиятельный друг становится в оппозицию правительству, сардинский дипломат готов к разрыву отношений. Лояльность императору была частью контрреволюционного дискурса философа, и, если в салонах он любил спорить со своим либеральным противником Чичаговым, переход от слова к действию мог положить конец взаимоотношениям. Позже именно эта участь постигла самого де Местра, когда Роксана отказалась продолжать общение после изгнания сардинского посланника из России.

Следующие письма относятся к 1812–1814 годам и представлены в «Lettres et opuscules inédits...» в неправильном порядке. Хронологически первым должно стать письмо, начинающееся с фразы «Из милосердия, Мадам, если вы еще там...»,⁷⁹ которое было отправлено де Местром из Полоцка. О локализации отправителя свидетельствует фраза: «Если бы я был в Петербурге...» и упоминание гривны: «Отправьте мне это так, как бросают гривну нищему...».⁸⁰ Де Местр предпринял это путешествие из-за открытия Полоцкой иезуитской академии, о котором он сам ходатайствовал на протяжении долгого времени. Открытие состоялось 15 июня 1812 года, а о нахождении де Местра в Полоцке в этот период свидетельствует письмо, отправленное оттуда сыну Родольфу 7 июня 1812 года.⁸¹

В письме также продолжается линия разговора об адмирале Чичагове. На сей раз де Местр спешит ответить на радостные новости о его продвижении по службе, которыми с ним делится Роксана: «Мне было приятно получить все, что вы говорите о *нашем суетливом друге* и о людях, которых он привел в движение. Все это замечательно, но что вы скажете об этом двойном командовании? Это видно лишь отсюда. А если бы ему пришлось победить на земле и быть побежденным в море, это не было бы забавным?»⁸²

Прежде всего стоит отметить псевдоним «наш суетливый друг», который начинают использовать корреспонденты. В военное время их общий знакомый Чичагов начинает занимать ключевые позиции, а внутренняя цензура корреспонденции дипломатов не позволяет называть ничьих имен. Анализируя корреспонденцию Роксаны петербургского периода, С. Гревас отмечает лакунарность и аллюзивность данного типа письма, в котором корреспонденты зачастую прибегают к неполным фразам и лишь им понятному языку, отсылающему к устному общению, имевшему место между письмами.⁸³

В данном случае де Местр обсуждает назначение Чичагова командующим Дунайской армией и Черноморским флотом, которое состоялось 7 апреля 1812 года. Александр I,

⁷⁷ Зорин А. Кормя двуглавого орла... С. 159.

⁷⁸ De Maistre J. Lettres et opuscules inédits. P. 38.

⁷⁹ «Par charité, Madame, si vous y êtes encore à temps...» (Ibid. P. 43–46).

⁸⁰ Ibid. P. 45.

⁸¹ De Maistre J. Œuvres complètes. Lyon, 1886. Vol. 12. P. 137.

⁸² De Maistre J. Lettres et opuscules inédits. P. 44.

⁸³ Gervas S. Le réseau épistolaire d'Alexandre et Roxandre Stourdza. P. 310–311.

недовольный медлительностью М. И. Кутузова, предложил Чичагову составленный императором план действий. Именно это двойное командование смущает де Местра, и он заранее справедливо опасается, что известный морскими победами адмирал может не справиться с командованием на суше. На самом деле, в печальном для репутации Чичагова сражении при Березине так и случилось.

Письмо, начинающееся со слов «До вашего отъезда, Мадам, я попросил ваш адрес в Царском Селе...»,⁸⁴ можно датировать по упоминанию отъезда Родольфа де Местра в Ригу: «Мой сын уехал после обеда 27-го; 29-го днем он был в Риге; 30-го он написал мне <и отправил письмо> в одном конверте с маркизом Паулуччи».⁸⁵ Речь идет об осаде Риги, события которой разворачивались между 7 (19) июня и 8 (20) декабря 1812 года. Сначала русские войска обороняли город под предводительством губернатора Риги генерала Эссена. После поражения в сражении при Мезотене 17 (29) сентября Эссена сменил генерал Филиппо Паулуччи, итальянский военачальник на службе Российской империи. Эта замена произошла 14 (26) ноября 1812 года и позволяет датировать письмо октябрём или ноябрём. Это письмо, так же как и следующее, содержит изъясления чувств де Местра, оказавшегося во временной разлуке со своей корреспонденткой.

Следующее письмо можно датировать началом 1814 года по упоминанию о хорошей новости, касающейся отца Роксаны: «Как могу я выразить вам удовольствие, которое доставила мне новость, которую я только что получил от нашей дорогой подруги касательно вашего отца?»⁸⁶ Отец Роксаны страдал параличом, и в 1813 году, после долгих ходатайств, фрейлине удалось получить для него личную пенсию от государя. Де Местр поздравляет ее с успешным завершением хлопот.

На момент написания письма Роксана уже покинула Россию 19 декабря 1813 года, чтобы сопровождать императорскую семью в Германии. Фрейлина проведет в этом путешествии три года. В это время София Свечина, «дорогая подруга», которую упоминает де Местр, зачастую выступает посредником между корреспондентами, передавая последние новости из-за границы.

Рассуждая о новом европейском опыте своей корреспондентки, де Местр вскользь касается проблематики, которую в это же время обсуждает в переписке с графом Уваровым, к чему ближе Россия — к Европе или к Азии. Здесь, используя те же метафоры, что и в переписке с Уваровым,⁸⁷ де Местр дает совет Роксане не терять связь с иррациональным началом Востока: «Сколько бы мы ни считали ее Европейкой и, следовательно, дочерью Иафета, также верно и то, что она немного соседствует с Симом, и что вследствие этого страна чудес и откровений ей немного ближе, чем нам».⁸⁸ Метафора мистического Востока переплетается с масонскими отсылками к «чудесам» и «откровениям», которые мы находим и в записках. Рационализации века Просвещения де Местр противопоставляет мистическое знание и призывает Роксану не забывать о нем во время путешествия. В Европе Роксана сблизилась с мистиками Ю. фон Крюденер и И. Г. Юнг-Штиллингом, что даже стало предметом для споров с братом Александром.⁸⁹ В этот период формулируются основные идеи Священного Союза, которые не поддержал де Местр.

Последнее из писем, опубликованных в «Lettres et opuscules inédits...», поддается датировке благодаря упоминанию о ранении Родольфа де Местра в Труа. Сражения за Труа происходили в феврале 1814 года, и сын Жозефа де Местра выступал против французов с войсками австрийской коалиции.

Последние два письма переписки были опубликованы в статье «Жозеф де Местр и Сен-Бёв в письмах к Р. Стурдзе-Эдлинг». Письмо 18 (30) ноября 1814 года содержит

⁸⁴ «Avant votre départ, Madame; je vous demandai votre adresse à Csarsko-Selo...» (*De Maistre J. Lettres et opuscules inédits*. P. 42–43).

⁸⁵ Ibid. P. 42.

⁸⁶ Ibid. P. 40.

⁸⁷ Степанов М., Вермаль Ф. [Шебунин А. Н.]. Жозеф де Местр в России. С. 577–726.

⁸⁸ *De Maistre J. Lettres et opuscules inédits*. P. 46.

⁸⁹ Мартин М. А. Романтики, реформаторы, реакционеры. Русская консервативная мысль и политика в царствование Александра I. С. 222–223.

несколько важных сведений: Родольф де Местр сумел привезти с собой в Россию после заграничного похода мать и сестер. Разлука с близкими лейтмотивом проходит через письма сардинского посланника к петербургским корреспондентам. Наконец, после десятилетней разлуки и при личном содействии императора, Жозефу де Местру удалось воссоединиться с семьей. Вопрос возможности продолжения близких и доверительных отношений с фрейлиной кажется не столь однозначным, и де Местр спешит уверить корреспондентку, что они с супругой будут по-прежнему рады видеть ее в узком семейном кругу, а также предлагает подружиться со своей дочерью Аделью.

В этом письме де Местр благодарит свою корреспондентку за положительный отзыв о своем произведении. Речь идет об «Опыте об основополагающем принципе политических конституций», изданном сначала в Санкт-Петербурге в 1814 году, а затем и в Париже.⁹⁰ Это произведение стало откликом де Местра на конституционные проекты Александра I. В своем произведении автор утверждает, что написание конституции людьми ослабляет власть богопомазанного монарха и все законы, которые формируются не историческим естественным путем, губительны для общества.⁹¹ Это утверждение о бесполезности писаных законов и конституций впоследствии также становится лейтмотивом в дальнейшем развитии реакционной риторики.⁹²

Де Местр делится своими идеями с Роксаной и вместе с тем снова пробует на своей корреспондентке политически значимое произведение на актуальную тему, которое в дальнейшем должно было сослужить автору хорошую службу. Однако «Опыт об основополагающем принципе политических конституций» сыграл не лучшую роль в его дальнейшей карьере: Людовик XVIII подписал конституционную хартию 4 июня 1814 года и счел произведение де Местра критикой своих действий, что помешало последнему играть видную роль во время Реставрации.

Последнее письмо было отправлено 11 (23) мая 1817 года, после трехлетнего перерыва в переписке. За это время Роксана приняла предложение графа Эдлинга о замужестве за границей. Де Местр, в свою очередь, вынужден покинуть Россию вслед за иезуитами, которых он поддерживал все годы пребывания при императорском дворе. В этом письме де Местр предлагает сохранить дружбу невзирая на обрушившиеся на него невзгоды и высказывает желание быть представленным супругу Роксаны, графу Эдлингу, чтобы не быть чужим в их доме. Географическая близость в Европе также кажется хорошим поводом возобновить общение. О времени до замужества Роксаны де Местр вспоминает в прошедшем времени и подписывает письмо всеми своими титулами, обращаясь к давней знакомой согласно ее новому статусу.

Это письмо осталось без ответа, и таким образом переписка завершилась после изгнания де Местра из России и брака Роксаны в Европе. В новом социальном статусе обоих корреспондентов и вне салонов Санкт-Петербурга важный мотив этой переписки, поддержание социальных связей, был более не актуален. Предмет беспокойства де Местра — общение после смены матримониального статуса его собеседницы — оказался небезосновательным, такого рода эпистолярный обмен мог состояться только с незамужней императорской фрейлиной. Также Роксана, как русская верноподданная, не могла себе позволить продолжать поддерживать опального дипломата, даже сама находясь в эмиграции.

Эта переписка позволяет проследить многие стратегии де Местра при дворе:

- трансфер католических и иллюминистских идей через литературу религиозных проповедников;
- распространение собственных основных контрреволюционных произведений, которые в дальнейшем станут основополагающими для развития контрреволюционной мысли;
- произведения в защиту иезуитского образования в России;

⁹⁰ De Maistre J. Essai sur le principe générateur des constitutions politiques et des autres institutions humaines. Saint-Petersbourg, 1814; [2-ème éd.] Paris, 1814.

⁹¹ De Maistre J. Essai sur le principe générateur des constitutions politiques et des autres institutions humaines // De Maistre J. Œuvres. Paris, 2007. P. 363–402.

⁹² Hirschman A. O. Deux siècles de rhétorique réactionnaire. P. 38–39.

— апробацию своих идей на доверенных лицах, прежде чем они служили орудием политической борьбы.

Также стоит отметить линию придворных связей корреспондентов. В частности, обсуждение адмирала Чичагова и других значимых политических деятелей эпохи, составлявших ближний круг общения философа и фрейлины, взаимные услуги корреспондентов при дворе и помощь в протекциях, где это представлялось возможным. Вместе де Местр и Роксана Стурдза составляли «карту» политически приемлемого поведения при дворе и старались использовать ее выгоды для достижения поставленных целей, делая это со всей осторожностью, свойственной переписке, проходящей внутреннюю цензуру.

Отдельно можно отметить литературную значимость некоторых пассажей писем, которая показывает де Местра — литератора, вдохновлявшегося переживаемыми в вынужденной эмиграции чувствами меланхолии для создания собственных литературных зарисовок. Наконец, письма позволяют реконструировать исторические события, в которые была вовлечена семья сардинского посланника, в частности его брат Ксавье и сын Родольф, воевавшие под присягой русскому императору и, в отличие от Жозефа де Местра, следовавшие официальной линии русского правительства. Таким образом, эта переписка является важнейшим источником трансфера европейских идей в Россию до декабристского восстания, а также позволяет читателю составить представление о политической и светской жизни эпохи Александра I.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-1-112-119

© С. В. Березкина

**«ДВЕНАДЦАТЬ СПЯЩИХ ДЕВ» В. А. ЖУКОВСКОГО
В ПАРОДИЙНЫХ ОТКЛИКАХ СОВРЕМЕННОКОВ
(И. В. ПРОТАШИНСКИЙ, А. А. ВОЕЙКОВА, С. П. ШЕВЫРЕВ)***

Публикация баллады В. А. Жуковского «Двенадцать спящих дев» завершилась в 1817 году, когда появилась вторая ее часть «Вадим» (первая, под заглавием «Громобой», была опубликована в 1811 году). «Ужасные» события, о которых повествовалось в балладе, вмещали в себя и вековые клятвы, и вмешательство потусторонних сил, и погибельные страсти, и искупление смертных грехов, и победу светлого героя, спасителя околдованных дев. Современников восхищали стихи автора «Двенадцати спящих дев», живописавшего и русский пейзаж, и томление героя, и его стремление к подвигу, и ожидание им таинственной встречи. Возможности пародийного преломления сюжета баллады таились в образах двенадцати погруженных в сон дев, сосредоточенно целомудренных в своем ожидании избавителя (чем не преминул воспользоваться А. С. Пушкин в поэме «Руслан и Людмила» (отд. изд. 1820), изобразив их пылкие наслаждения в обществе одного из своих героев),¹ и в жизненных перипетиях отца-грешника под гнетом страшных и все более неотвратимых приговоров. Это живо можно почувствовать в пародировании сюжетных элементов «Двенадцати спящих дев» столь разными по своим литературным вкусам современниками В. А. Жуковского, как И. В. Проташинский, А. А. Воейкова, С. П. Шевырев.

* Исследование проведено в Томском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00083 «Русская эпистолярная культура первой половины XIX века: текстология, комментарий, публикация»).

¹ См.: *Томашевский Б. В.* Пушкин. М.; Л., 1956. Кн. 1 (1813–1824). С. 331–335.